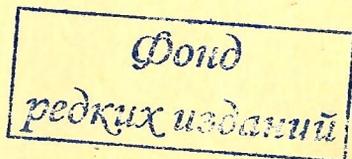

ББК
84(3)
ФР 368

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

МОСКВА
1937

ГОСАТИЗДАТ
1937

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

МОСКВА 1937

ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ
ДЛЯ МОИХ ДРУЗЕЙ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
МОСКВА 1937

LION FEUCHTWANGER

M O S K A U 1937
EIN REISEBERICHT
FÜR MEINE FREUNDE

JUERIDO VERLAG N. V. AMSTERDAM
1937

550709

БИБЛИОТЕКА
ФГАОУ ВО
Сибирский федеральный
университет

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	3
Предисловие	5
Глава I. Будни и праздники	9
» II. Конформизм и индивидуализм	25
» III. Демократия и диктатура	41
» IV. Национализм и интернационализм	53
» V. Мир и война	58
» VI. Сталин и Троцкий	62
» VII. Ясное и тайное в процессах троцкистов	72
» VIII. Ненависть и любовь	88

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Изданная в Амстердаме на немецком языке книжка Лиона Фейхтвангера «Москва 1937», в которой автор, на основе личных впечатлений и наблюдений от поездки в СССР, дает оценку современного положения СССР, его политической, хозяйственной и культурной жизни, представляет несомненный интерес. Книжка содержит ряд ошибок и неправильных оценок. В этих ошибках легко может разобраться советский читатель. Тем не менее книжка представляет интерес и значение, как попытка честно и добросовестно изучить Советский Союз.

Фейхтвангер принадлежит к числу тех немногих некоммунистических писателей на Западе, которые не боятся правды, не сложили оружия перед фашизмом, а продолжают борьбу с ним. В то время, когда буржуазные разбойники пера, в угоду капитализму и фашизму, состязаются в фабрикациях отравленной лжи и клеветы против СССР, Фейхтвангер старается доискаться объективной правды об СССР и понять его особенности.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой книги. Эти страницы следовало бы, собственно, озаглавить «Москва, январь, 1937 год». Ведь жизнь в Москве течет с такой быстротой, что некоторые утверждения становятся спустя несколько месяцев уже неправильными. Я бродил по Москве с людьми, хорошо ее знающими; пробыв в отсутствии каких-нибудь полгода, они теперь, глядя на нее, покачивали головой: неужели это наш город? Несмотря на это, я все же даю этой книге заглавие «Москва, 1937 год». Я позволю себе такую неопределенность в дате, потому что я не стремлюсь к точной объективной передаче виденного мною; после десятидневного пребывания такая попытка была бы нелепа. Я хочу только изложить свои личные впечатления для друзей, жадно набрасывающихся на меня с вопросами: «Ну, что Вы думаете о Москве? Что Вы там, в Москве, видали?»

Насколько неправильно нарисованная мною картина. Так как я сознаю, что предлагаемые мною суждения субъективны, я хочу рассказать о том, с какими ожиданиями и опасениями я ехал в Советский Союз. Пусть каждый читатель сам установит, насколько мой взгляд был затемнен предвзятыми мнениями и чувствами.

Вера в разум. Я пустился в путь в качестве «симпатизирующего». Да, я симпатизировал с самого начала эксперименту, поставившему себе целью построить гигантское государство только на базисе разума, и ехал в Москву с желанием, чтобы этот эксперимент был удачным. Как бы мало я ни был склонен исключать из частной жизни человека его логическое, нелогическое и чувства, как бы я ни находил жизнь, построенную на одной чистой логике, однообразной и скучной, все же я глубоко убежден в том, что общественная организация, если она хочет развиваться и процветать, должна строиться на основах разума и здравых суждений. Мы с содроганием видели на примере Центральной Европы, что получается,

когда фундаментом государства и законов хотят сделать не разум, а чувства и предрассудки. Мировая история мне всегда представлялась великой длительной борьбой, которую ведет разумное меньшинство с большинством глупцов. В этой борьбе я стал на сторону разума, и потому я симпатизировал великому опыту, предпринятому Москвой, с самого его возникновения.

Недоверие и сомнения. Однако с самого начала к моим симпатиям примешивались сомнения. Практический социализм мог быть построен только посредством диктатуры класса, и Советский Союз был в самом деле государством диктатуры. Но я писатель, писатель по призванию, а это означает, что я испытываю страстную потребность свободно выражать все, что я чувствую, думаю, вижу, переживаю, невзирая на лица, на классы, партии и идеологии, и поэтому при всей моей симпатии я все же чувствовал недоверие к Москве. Правда, Советский Союз выработал демократическую, свободную конституцию; но люди, заслуживающие доверия, говорили мне, что эта свобода на практике имеет весьма растрепанный и исковерканный вид, а вышедшая перед самым моим отъездом небольшая книга Андре Жида только укрепила мои сомнения.

Потемкинские деревни. Итак, к границам Советского Союза я подъезжал полный любопытства, сомнений и симпатий. Почетная встреча, оказанная мне в Москве, увеличила мою неуверенность. Мои хорошие знакомые, люди обычно вполне разумные, совершенно теряли здравый ум, когда оказывались среди немецких фашистов, осыпавших их почестями, и я спрашивал себя, неужели и я позволю тщеславию изменить мой взгляд на вещи и людей. Кроме того, я говорил себе, что мне, несомненно, будут показывать только положительное и что мне, человеку, не знакомому с языком, трудно будет разглядеть то, что скрыто под украшенной внешностью.

Нападки, вызванные недостатком комфорта. С другой стороны, множество мелких неудобств, осложняющих повседневный московский быт и мешающих видеть важное, легко могло привести человека к несправедливому и слишком отрицательному суждению. Я очень скоро понял, что причиной неправильной оценки, данной Москве великим писателем Андре Жидом, были именно такого рода мелкие неприятности. По-

этому в Москве я приложил много усилий к тому, чтобы неустанно контролировать свои взгляды и выправлять их то в ту, то в другую сторону с тем, чтобы приятные или неприятные впечатления момента не оказывали влияния на мое окончательное суждение.

Иногда же наивная гордость и усердие советских людей мешали мне найти правильное решение. Цивилизация Советского Союза совсем молода. Она достигнута ценой беспримерных трудностей и лишений, поэтому, когда к москвичам приезжает гость, мнением которого — справедливо или несправедливо — они дорожат, они немедленно начинают забрасывать его вопросами: как Вам нравится то, что Вы скажете по поводу этого? Кроме того, я попал в Москву в неспокойное время. Фашистские вожди вели угрожающие речи на тему о войне против Советского Союза; в Испании и на границах Монголии шла борьба; в Москве слушался политический процесс, сильно взволновавший массы. Следовательно, вопросов накопилось немало, и москвичи на них не скупились. Я же, человек медлительный в своих оценках, люблю мысленно обсудить все «за» и «против» и не тороплюсь выражать свое мнение, если не считаю его достаточно продуманным. Вполне естественно, что не все в Москве мне понравилось, а мое писательское честолюбие требует от меня откровенного выражения моего мнения — склонность, причинившая мне немало неудобств. Итак, я, будучи в Советском Союзе, не хотел умалчивать о недостатках, где-либо замеченных мною. Однако найти этим неблагоприятным отзывам нужную форму и слова, которые, не будучи бестактными, имели бы достаточно определенный смысл, представляло не всегда легкую задачу для почетного гостя в такое напряженное время.

Я мог с удовлетворением констатировать, что моя откровенность в Москве не вызвала обиды. Газеты помещали мои замечания на видном месте, хотя, возможно, правящим лицам они не особенно нравились. В этих заметках я высказывался за большую терпимость в некоторых областях, выражал свое неодобрение по поводу иной раз безвкусно преувеличенного культа Сталина и говорил насчет того, что следовало бы с большей ясностью раскрыть, какими мотивами руководствовались обви-

няемые второго троцкистского процесса, признаваясь в содеянном. И в частных беседах руководители страны относились к моей критике с вниманием и отвечали откровенностью на откровенность. Именно потому, что свое мнение я выражал неприкрыто, я получил сведения, которые в противном случае мне едва ли удалось бы получить.

Нужно ли выступить с положительной оценкой Советского Союза? После моего возвращения на Запад передо мной встал вопрос, должен ли я говорить о том, что я видел в Советском Союзе? Это не являлось бы проблемой, если бы я, как другие, увидел в Советском Союзе много отрицательного и мало положительного. Мое выступление встретили бы с ликованием. Но я заметил там больше света, чем тени, а Советский Союз не любит и слышать хорошее о нем не хотят. Мне тотчас же было на это указано. Я не очень часто выступал в печати Советского Союза со своими впечатлениями. Мои выступления составили менее двухсот строк, при этом они отнюдь не заключали в себе только похвалу; но даже это небольшое было здесь, на Западе, ввиду того, что оно не представляло безоговорочного отрицания, искажено и опозлено. Должен ли я был продолжать говорить о Советском Союзе?

Лучше не надо. Усталый и возбужденный виденным и слышанным, я сказал себе в первые дни после моего возвращения, что моя задача не говорить, а изображать в образах, и я решил молчать и ждать, пока пережитое не воплотится в образы, которые можно запечатлеть.

Но как писатель я все же это делаю. Однако вскоре другие соображения одержали верх. Советский Союз ведет борьбу с многими врагами, и его союзники оказывают ему только слабую поддержку. Тупость, злая воля и косность стремятся к тому, чтобы опорочить, оклеветать, отрицать все плодотворное, возникающее на Востоке. Но писатель, увидевший великое, не смеет уклоняться от дачи свидетельских показаний, если даже это великое непопулярно и его слова будут многим неприятны.

Поэтому я и свидетельствую.